

НОЧЬ С 6 НА 7 ЯНВАРЯ 1918 ГОДА: ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ МАРИИНСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

© Л.Н. Лисенкова

ГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России

Резюме. В статье подробно описаны обстоятельства убийства в ночь с 6 на 7 января 1918 года в Мариинской больнице матросами-анархистами лидеров кадетской партии, бывших министров Временного правительства Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева и ход следствия. Исследуются причины, почему не были наказаны виновники преступления. Ихтрагическая гибель открыла эпоху российского террора.

Ключевые слова: Ф.Ф. Кокошкин; А.И. Шингарев; кадеты; Мариинская больница; матросы-анархисты; террор.

Революция 1917 года, обнажив и обострив классовые противоречия, неизбежно вела к гражданской войне. Предвестием приближающейся кровавой драмы стало убийство в Мариинской больнице в ночь с 6 на 7 января 1918 г. видных деятелей кадетской партии А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина. Злодейское преступление, совершенное в стенах больницы, где люди находят облегчение своих страданий и болезней, трагическая гибель известных общественных деятелей потрясло Россию. Зинаида Гиппиус 7 января 1918 г. записала в своем дневнике: «Убили. В ночь на сегодня Шингарева и Кокошкина. В Мариинской больнице. Красногвардейцы. Кажется, те самые, которые их вчера из крепости в больницу и переводили... Шингарев был убит не наповал, два часа еще мучился, изуродованный. Кокошкину стреляли в рот, у него выбиты зубы. Обоих застигли спящими, в постелях... Мы в снеговом безумии, и его нельзя понять даже приблизительно, если не быть в его кругу» [2]. Союз Петербургских врачей на чрезвычайном собрании, посвященном памяти А. И. Шингарева, принял резолюцию, в которой выражалось глубокое сочувствие семье почившего. Вместе с тем союз постановил: образовать путем добровольных пожертвований фонд памяти А. И. Шингарева, повесить в помещении Союза портрет убитого с надписью: «Истинному врачу, другу народа А. И. Шингареву». В редакцию кадетской газеты «Наш век» приходили многочисленные телеграммы и письма от самых разных общественных организаций и партий, а также отдельных лиц разных классов и мировоззрений, выражавших негодование и возмущение против чудовищного

преступления. И даже большевистская печать осудила убийство бывших министров Временного правительства. Уже 8 января 1918 г. газета «Правда» в передовой статье писала: «...убийство отдельных, да еще больных врагов, самосуд бессмысленный, жестокий, направленный против случайно подвернувшихся лиц — это преступление против революции» [12].

Широкий общественный резонанс, вызванный гибелью деятелей кадетской партии, был неслучайен. Имена А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина давно уже стали символами благородства, душевной красоты, бескорыстного и самоотверженного служения Отечеству.

Андрей Иванович Шингарев родился в сельской местности Воронежской губернии в 1864 г. в мещанской семье, честным и тяжелым трудом добывавшей себе средства к существованию. По окончании естественного факультета Московского университета он решил продолжить обучение на медицинском факультете, чтобы впоследствии в качестве практического врача в деревне отдать все свои силы на пользу крестьянскому люду. Любовь к точным наукам и знанию, недюжинные дарования и разносторонность способностей Андрея Ивановича невольно обратили на него внимание профессоров, и по окончанию курса он получил лестное предложение остаться при университете для подготовки к научной и преподавательской деятельности. Но Шингарев был верен принятому ранее решению. «Ведь я знаю, — писал он в одном из писем другу, — что творится там в деревне. Где же у меня право ехать проживаться, если есть какая-либо нужда в моем

труде? На кой же черт тогда и учиться, и понимать окружающее, и быть развитым, и говорить хорошие слова?» [8].

В 1895 г. Шингарев поселился в селе Большой Верейке Землянского уезда Воронежской губернии вольнопрактикующим врачом. В двух сельских избах была устроена амбулатория и больница с небольшой операционной, в которой Андрей Иванович делал довольно сложные операции, среди них и глазные. Благодаря своей отзывчивости, внимательности к больным и сердечности молодой врач приобрел широкую популярность среди крестьян. За медицинский осмотр и совет он брал лишь по пяти копеек с больного, имеющего достаток, а неимущих принимал и совсем бесплатно. Народ валом повалил к врачу-бессребренику из многих окрестных деревень. Шингарев не только принимал у себя, но и разъезжал на телеге по тяжелобольным. Только лекарства давало ему местное земство. А для собственных скромных нужд он довольствовался лишь теми пятаками, которые ему давали больные, и еще из этого скучного заработка уделял некоторую долю на помощь какой-либо обедневшей семье. Так проработал Шингарев более трех лет, после чего стал участковым земским врачом, а в 1903 г. — заведующим санитарным бюро Воронежской губернии. Врачебно-санитарное дело в губернии было поставлено им широко: систематическое подворное оспопрививание, мероприятия по борьбе с болотной лихорадкой, противохолерные кампании, устройство общедоступных чтений о гигиене для народа и т. д. Шингарев и участковые врачи проводили санитарные исследования наиболее неблагополучных селений. На 8-м Пироговском съезде предложенный Андреем Ивановичем способ подворного санитарно-экономического обследования был рекомендован для местных санитарных исследований по всей стране.

Шингарев неоднократно избирался в земские уездные и губернские гласные. Работая в земстве, он продолжал настойчиво заботиться об охранении народного здоровья. Андрей Иванович немало времени уделял и литературным трудам. Он был редактором газеты «Воронежское слово», часто печатался в «Медицинской беседе», «Врачебной хронике Воронежской губернии» и др. Широкую известность получила книга А. И. Шингарева «Вымирающая деревня». Проведенное им санитарно-экономическое исследование двух селений Воронежской губернии (села Новоживотинского и Моховатки) позволило сделать вывод, что главными факторами высокой смертности русского крестьянства являются «низкий культурный уровень населения, его ужасающая материальная необеспеченность и безземелье» [15].

Убеждение в том, что оздоровление народа без политических реформ невозможно, привело Шингарева в ряды кадетской партии. Он был избран депутатом II, III, IV Государственных Дум. Здесь он продолжил ту же работу, которую начал еще вольнопрактикующим врачом, в защиту народных интересов в деле здравоохранения. Как член медицинской комиссии Государственной Думы и комиссии по местному самоуправлению Андрей Иванович всячески отстаивал интересы земской и городской медицины, требуя увеличения расходов государства на дело оздоровления страны. Когда совершилась февральская революция 1917 г., Шингарев вошел во Временное правительство как министр земледелия, позднее занял пост министра финансов. Социалист Н. Н. Суханов, несмотря на политические разногласия с кадетами, в своих воспоминаниях вынужден был признать: «Шингарев был превосходным деловым министром — со знанием, с огромной энергией, с твердостью и авторитетом» [13]. Видя ошибочность политики Временного правительства, которое не принимало решительных мер против нарастающей разрухи, Андрей Иванович ушел из кабинета и отдал свои силы всецело партийной работе и деятельности в Петроградской городской думе.

В ноябре 1917 г. он ездил к себе на родину для участия в кампании по выборам в Учредительное собрание. Там его постигло тяжелое горе: умерла жена, оставив на его руках семью из пяти детей, к которым присоединилось еще трое племянников, взятых им к себе после умерший сестры. Андрей Иванович был избран членом Учредительного собрания, и многие товарищи по партии, опасаясь большевистского ареста, советовали ему отложить поездку в Петроград. Среди них был и лидер кадетов П. Н. Милюков. Позднее он вспоминал: «Тщетно я доказывал ему, что неразумно отдаваться в руки врагов и что Шингаревы понадобятся России в будущем. Шингарев отвечал: «Это мой долг перед Россией и перед избирателями, и я поеду, что бы мне ни грозило. Моя смерть будет не менее полезна, чем моя жизнь» [6].

Трагическую судьбу Шингарева разделил его товарищ по партии Федор Федорович Кокошкин. Он родился в 1871 г. в семье, которая принадлежала к старинному московскому роду. По окончании в 1893 г. Московского университета Кокошкин был оставлен по кафедре государственного права и, после сдачи магистерского экзамена, зачислен на должность приват-доцента. Федор Федорович оказался превосходным преподавателем, блестяще читал лекции и с увлечением руководил практическими занятиями студентов. Однако только академическая деятельность не могла удовлетворить энергичную

натуру молодого приват-доцента. Кокошкин был избран гласным Московского земства, через несколько лет — и членом Московской губернской управы. «Глубоко развитое чувство гражданского долга, пылкий темперамент борца вспыхнули в его душе с неудержимой силой, лишь только он соприкоснулся с начавшимся политическим движением, которое охватило всю Россию», — вспоминал профессор А. А. Кизеветтер [4].

Кокошкин являлся одним из основателей кадетской партии, бессменным членом ее ЦК, принимал участие в разработке основополагающих партийных документов. В 1906 г. Федор Федорович был избран депутатом I Государственной Думы. Знаток государственного права, он был завален комиссионной работой, принимая участие в составлении и редактировании почти всех подготовлявшихся законопроектов. Не случайно лидер кадетской партии Милюков назвал Кокошкina «нашим главным экспертом по конституционным вопросам» [6].

Он обладал и незаурядным ораторским дарованием. Слушателей привлекала, прежде всего, ясность и четкость его мысли, неотразимость и убедительность аргументов, глубокое знание обсуждаемых вопросов и широта политического кругозора. «В истории нашей парламентской жизни едва ли найдется два-три имени, которые могут с ним делить славу первых парламентариев в России», — писал о Федоре Федоровиче один из лидеров кадетов М. М. Винавер [1].

Кокошкин был среди депутатов-перводумцев, подписавших Выборгское воззвание против роспуска Думы, призывавшее население к гражданскому неповиновению. Это повлекло за собой тюремное заключение и лишило Кокошкina возможности выступать на открытой политической арене. Он вернулся к преподавательской деятельности и занялся публицистикой. Точную портретную зарисовку Кокошкina дал в своих воспоминаниях князь В. А. Оболенский. В личных отношениях Федор Федорович «был совершенно обаятельный человеком: живой и интересный собеседник, знаток литературы и искусства, а главное — простой, добродушный и сердечный, никогда не выставлявший своего умственного превосходства, что так обычно у людей его калибра. Еще одна характерная его черта: болея туберкулезом, сопровождавшимся частыми подъемами температуры, а иногда и кровохарканием, болезнь свою он переносил чрезвычайно бодро. Умел он беречь свое здоровье так, что другим это было незаметно, был всегда жизнерадостно настроен и работал значительно больше среднего здорового человека, точно торопился по возможности больше сделать в краткий отрезок жизни, отведенный ему судьбой» [9].

После Февральской революции Кокошкин был поставлен во главе Особого совещания для подготовки проекта положения о выборах в Учредительное собрание. По его инициативе и при непосредственном участии были разработаны как общетеоретические принципы избирательной системы по выборам в Учредительное собрание, так и конкретные вопросы: о сроках его созыва и оптимального количества депутатов, структуре и пределах компетенции. Это был наиболее демократический изо всех существовавших в мире избирательных законов. Будучи противником участия кадетов в коалиционном правительстве А. Ф. Керенского, Кокошкин вынужден был подчиниться партийной дисциплине и занять пост государственного контролера. Вскоре обстоятельства позволили ему уйти в отставку и уехать в свою любимую Москву. Там он снова отдался академической, публицистической и политической работе. Ф. Ф. Кокошкин был избран по списку партии народной свободы депутатом Учредительного собрания. Как и Шингарева, друзья уговаривали Кокошкina не ехать в Петроград на верную смерть. Он отвечал: «Я не могу не явиться туда, куда меня послали мои избиратели. Это значило бы для меня изменить делу всей жизни» [4].

28 ноября 1917 г. — день, на который Временное правительство назначило созыв Учредительного собрания, большевистский Совнарком утвердил декрет, объявлявший кадетов партией «врагов народа». В тот же день были арестованы руководящие деятели кадетской партии, в том числе А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин. Их препроводили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, никакого обвинения предъявлено не было. Содержание в холодном, сыром каземате, плохое питание привело к резкому ухудшению здоровья заключенных, и родные стали хлопотать об их переводе в больницу.

В последних числах декабря 1917 г. в Народный комиссариат юстиции поступило ходатайство представителя Политического Красного Креста доктора И. И. Манухина, подкрепленное свидетельствами о болезни, о переводе Кокошкina и Шингарева в Мариинскую больницу. Тем временем ситуация в Петрограде и, следовательно, в самой Петропавловской крепости резко осложнилась. 1 января 1918 года на В. И. Ленина было совершено покушение, и в большевистских газетах появились статьи с требованиями «решительно и беспощадно» справиться с «буржуазной контрреволюцией» и за каждую голову «народных вождей» «отрубить сто голов» буржуазии. Эти призывы получили отклик среди солдат Петропавловской крепости, гарнизон которой «стал бушевать, требовать мщения, крови за попытку «буржуазии» посягнуть на жизнь их вождя» [7].

2 января 1918 г. ходатайство Манухина было рассмотрено СНК. На следующий день Народный комиссариат юстиции, выполняя поручение СНК, создал специальную медицинскую коллегию, в которую вошли врачи Чехов, Студенцов и Вечеслов. Они констатировали у Шингарева хроническое заболевание печени и мочевого пузыря, болезненные явления в области сердца, как последствие перенесенного в 1914 г. паратифа, с резкими признаками склероза, а у Кокошкина — легочный туберкулез в обостренном процессе, который в тюремной обстановке мог приобрести быстрое течение. Положение обоих было признано серьезным и требующим стационарного лечения [10].

Утром 6 января 1918 г. Народный комиссариат юстиции выдал жене Кокошкина и сестре Шингарева ордера на перевод их близких из Петропавловской крепости в Мариинскую больницу. Комиссару первого городского района П. В. Михайлову было поручено обеспечить охрану заключенных. В свою очередь, Михайлов приказал начальнику отряда бомбометальщиков П. Куликову выделить наряд в составе пяти красногвардейцев для сопровождения заключенных. В него вошли рядовые Арметьев, Розин, Семенов, Ямбус, а также инструктор при районном штабе Красной гвардии С. И. Басов, который и был назначен главным. Во время формирования наряда Куликов недвусмысленно советовал красногвардейцам не возиться с заключенными, а «просто бросить в Неву» [10].

В 6 часов вечера Ф. Ф. Кокошкин и А. И. Шингарев, которых сопровождали М. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева, на пяти извозчиках под охраной красногвардейцев выехали из Петропавловской крепости. М. Ф. Кокошкина вспоминала: «На дворе метель, выюга, сугробы снега» [3]. Около 7 часов вечера заключенные были доставлены в Мариинскую больницу. Их разместили в платной лечебнице (угол Литейного проспекта и Жуковской улицы) на 3-м этаже: Шингарева — в палате № 24, Кокошкина — напротив, в палате № 27. Немедленно по прибытии пациентов осмотрели врачи Федоров и Любомиров.

Мария Филипповна Кокошкина и Александра Ивановна Шингарева еще некоторое время оставались в больнице. В своем дневнике М. Ф. Кокошкина записала, что они с мужем в тот последний вечер говорили о поэзии. Федор Федорович вспомнил стихи А. А. Ахматовой [14]. Около 8 часов вечера М. Ф. Кокошкина, простившись с мужем, ушла домой. А. И. Шингарева еще оставалась с братом. Позднее она вспоминала: «В комнате тепло, уютно, и он, прежде всего, говорит: «Ах, как здесь тепло, хорошо, наконец-то я согреюсь. Там было так невы-

носимо холодно; я никак не мог согреться». Мы долго смотрели друг на друга, и не верилось как-то, что это уже не бастион, не Петропавловская крепость, а тихая палата Мариинской больницы. — «Тебе нравится здесь? Ведь обстановка очень простая; может быть, у Герзона было лучше». — «О, после крепости здесь так хорошо, тепло, разве можно сравнивать; а относительно Герзона я не жалею, я ведь не люблю частных лечебниц, их роскоши, здесь я чувствую себя хорошо». Их беседа была прервана красногвардейцем Басовым, который бесцеремонно потребовал: «Да вот с вас надо еще деньги получить на извозчика, я ездил за сменой на извозчике туда и обратно по 10 рублей». А. И. Шингарева немедленно отдала деньги, простила с братом и ушла домой «с тихой радостью в душе, что сегодня он заснет не в камере на железной койке, а на удобной постели в теплой комнате и отдохнет хотя бы немного от своих страданий» [3].

Около 11 часов вечера главный врач больницы Г. А. Свияженинов совершил обход лечебницы. Ф. Ф. Кокошкин, серьезно больной туберкулезом, совершенно утомленный, спал. Зайдя в комнату Шингарева, он застал Андрея Ивановича за чтением «Трех мушкетеров». Свияженинов вспоминал, что Шингарев находился в несколько возбужденном состоянии, видимо, довольный переменой крепостного, крайне тяготившего его режима, на больничный, более ему как врачу, по словам самого Шингарева, знакомый. В разговоре с главврачом он говорил, что его очень беспокоит судьба детей, оставшихся недавно после смерти жены на попечении свояченицы, а затем, после смерти свояченицы, почти без всякого призыва. Когда Свияженинов заметил, что Бог даст, Андрей Иванович скоро поправится и выйдет на свободу, тот только безнадежно махнул рукой и сказал: «Бог знает» [11]. Когда главный врач покинул лечебницу, во всех помещениях ее, кроме больных, оставались дежурная сестра милосердия и две сиделки. В коридоре, близь палат № 24 и № 27, на диване расположились два беззубых юноши-красногвардейца, вооруженных винтовками. У парадной лестницы дежурил швейцар. Входная дверь была заперта на ключ. В 12 часов ночи потухло электричество, и в больнице все затихло, лишь в одной из палат у тяжело больной бодрствовала сиделка.

Тем временем Басов доложил Куликову, что заключенные доставлены в больницу. В ответ Куликов недовольно заметил: «такого простого дела не могли сделать», и послал его в ближайший морской экипаж, чтобы взять там матросов и отправиться с ними в больницу для расправы с заключенными. Басов выполнил приказание Куликова. Около трид-

цати матросов флотских экипажей «Ярославец» и «Чайка» охотно вызвались пойти с ним. С криками «вырезать», «лишние карточки на хлеб останутся» они направились к Мариинской больнице.

Расставив посты на соседних улицах, 10–12 вооруженных военных, в том числе красногвардеец Басов и матросы, около часа ночи подошли к входу в больницу и стали стучать в дверь: «Сторож, открывай; здесь есть арестованные министры. Мы пришли на смену караула». Перепуганный сторож впустил вооруженную толпу на территорию больницы. Оставив во дворе двоих, остальные направились в платную лечебницу. Резкий звонок разбудил дремавшего швейцара. На его вопрос, кто идет, звонившие ответили, что пришли сменить красногвардейцев, охраняющих арестованных. Швейцар открыл дверь. Взяв у сиделки керосиновую лампу, Басов, зная расположение палат Кокошкина и Шингарева, повел матросов на третий этаж. Красногвардейцы, несшие здесь охрану, смешались с вновь пришедшими. Басов в сопровождении двух матросов, остальные замешкались в коридоре, направились в палату № 24. Шингарев сидел на кровати, прислонившись к стене. Матрос-эстонец Оскар Крейс схватил его за горло и стал душить. Шингарев успел только крикнуть: «Что, вы, братцы, делаете?». Однако матросы с площадной бранью стали беспорядочно стрелять в него из револьверов и колоть штыками. Все это время Басов светил лампой. Затем убийцы направились в палату № 27. Ф.Ф. Кокошkin был застрелен спящим. Матросы говорили, что «убивают министров за 1905 год, довольно им нашу кровь пить» [10].

В комнате Шингарева одним из матросов была взята кожаная куртка покойного. Другой матрос стал отнимать у него эту тужурку, произошла ссора, не желая уступать друг другу, они подарили ее Басову. Исполнив «свой классовый долг», матросы и красногвардейцы покинули больницу. Напуганный швейцар, хотя слышал выстрелы, не решился задержать вооруженных убийц. Когда Басов доложил Куликову о случившемся, тот сказал: «туда им и дорога» [10].

Первую помощь А.И. Шингареву оказывала дежурный врач больницы П.П. Миролюбова. Она находилась в приемном покое, когда прибежал взволнованный швейцар и сообщил, что в платной лечебнице убиты два бывших министра. Врач немедленно бросилась в лечебницу. У входа ее встретила сиделка, сообщившая, что Кокошкин уже мертв, а Шингарев еще жив. Миролюбова направилась сначала в палату, в которой лежал раненый Шингарев. Она нашла его в полуобессознательном состоянии. Когда врач при помощи сестры хотела

наложить повязку сначала на лицо, ввиду особенно сильного кровотечения изо рта, то Андрей Иванович просил не делать этого, по-видимому, сознавая безнадежность своего положения. Когда врач все-таки приступила к наложению повязки, Шингарев сам обратил ее внимание на другую рану — в области живота, которую он считал самой серьезной и опасной для жизни. Он попросил впрыснуть ему морфий и все время повторял: «Дети! Несчастные дети!». Пульса почти не было. После того, как были впрыснуты морфий и камфара, у раненого появился слабый пульс, который, однако, вскоре почти прекратился, и Шингарев впал в забытье. Спустя приблизительно час после ранения началась агония, которая продолжалась около часа. Всего после ранения Андрей Иванович прожил около двух часов. У Шингарева оказалось семь ран: в грудь, правое плечо и смертельная рана в живот — сквозная, выходной отверстие под 12 ребром, входное приблизительно в середине живота [11].

Когда дежурный врач Миролюбова вошла в палату Кокошкина, то нашла его уже мертвым. Он лежал в позе спокойно спящего человека на боку, положив правую руку под щеку. Кроме ранения в рот, у Федора Федоровича оказалась еще смертельная рана в область сердца [11].

Об убийстве Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева лидер большевиков В.И. Ленин узнал 7 января в 11 часов утра и поручил председателю Комитета по борьбе с погромами В.Д. Бонч-Бруевичу и наркому юстиции И.З. Штейнбергу немедленно приступить к расследованию и арестовать виновных. В тот же день была создана следственная комиссия в составе Бонч-Бруевича, Штейнберга и наркома по морским делам П.Е. Дыбенко. Комиссия разослала срочную телеграмму всем комиссариатам, председателям районных Советов, Комитету по борьбе с погромами, штабу Красной гвардии, ВЧК, комиссии по охране Петрограда, комиссарам петроградских вокзалов, районным штабам Красной гвардии с предписанием «совершенно немедленно поднять на ноги все имеющиеся в распоряжении силы» и приступить к розыску виновных [5].

Народный Комиссариат юстиции установил личности убийц Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева — матросов О. Крейса и Я.И. Матвеева, красногвардейца С.И. Басова. Однако морские экипажи «Ярославца» и «Чайки» отказались выдать Крейса и Матвеева следственным органам. 9 января 1918 г. был арестован Басов, который сразу же сознался в соучастии в убийстве и дал подробные показания. Кроме него, показания дали еще 15 подследственных, включая Михайлова и Куликова. Басов и Куликовы были на время следствия заключены в Пе-

тропавловскую крепость. В конце января 1918 г. Ленин, заслушав доклад следственной комиссии по делу об убийстве Кокошкина и Шингарева, выразил ей благодарность за быстрое завершение следствия и объявил ее распущенной. Наркому юстиции Штейнбергу было поручено в кратчайшие сроки провести это дело через органы юстиции, а наркому по морским делам Дыбенко — разыскать матросов, убивших Кокошкина и Шингарева. Но непосредственные убийцы — матросы Крейс и Матвеев — так и не были выданы флотскими экипажами, и большевики, боясь осложнить отношения с анархистами, вынуждены были с этим смириться. После выхода левых эсеров из Народного комиссариата юстиции дело об убийстве Кокошкина и Шингарева развалилось. Непосредственный соучастник убийства Басов был освобожден из-под ареста и получил назначение на фронт. Одновременно с ним из Петропавловской крепости освободили и Куликова [7].

11 января 1918 г. Петроград прощался с Ф. Ф. Кокошкиным и А. И. Шингаревым. Они были похоронены на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Их трагическая гибель открыла эпоху российского террора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винавер М.М. Недавнее (Воспоминания и характеристики). — Париж, 1926. — С. 163.
2. Гиппиус З.Н. Дневники. — Кн.2. — М.: Интелвак, 1999. — С. 45–47.
3. Как это было: Дневник А.И. Шингарева. Петропавловская крепость 27.XI.17–5.I.18. — М., 1918. — С. 63–68.
4. Кизеветтер А.А. Ф.Ф. Кокошкин // Памяти погибших. — Париж, 1929. — С. 16, 24.
5. Ленин В.И. Телеграмма // Правда. — Петроград, 1918, 8 января.
6. Милюков П.Н. Воспоминания. — М.: Политиздат, 1991. — С. 266.

7. Милюков П.Н. Памяти А.И. Шингарёва и Ф.Ф. Кокошкина // Последние новости. — Париж, 1926, 19 января.
8. Никольский Д.П. Памяти А.И. Шингарёва. Речь на общем собрании Союза Петербургских врачей // Русский врач. — 1918. — № 5–8. — С. 29.
9. Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. — Париж, 1988. — С. 368.
10. Первая редакция обвинительного акта по делу об убийстве А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина // Пути революции: Статьи, материалы, воспоминания. — Берлин, 1923. — С. 350–357.
11. Подробности убийства // Наш век. — Петроград, 1918, 9 января.
12. Преступление перед революцией // Правда. Петроград, 1918, 8 января.
13. Суханов Н.Н. Записки о революции. — М.: Политиздат, 1991. — Т. 1, Кн.1–2. — С. 305.
14. Шелохаев В.В. Федор Федорович Кокошкин // Международный исторический журнал. — 2000. — № 8. — С. 9–10.
15. Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. — СПб., 1907. — 189 с.

THE NIGHT 6/7 JANUARY 1918: A TRAGIC PAGE IN THE HISTORY OF MARIINSKY HOSPITAL

Lisenkova L.N.

◆ **Resume.** The article describes in details the circumstances of the murder of constitutional democrats party leaders, former ministers of the Pro-visional Government F.F. Kokoshkin and A.I. Shingarev on the night 6/7 January 1918 at Mariinsky hospital by anarchist sailors and also the investigation course. The reasons why guilty of the crime were not punished are studied. Their tragic death ushered in the era of Russian terror.

◆ **Key words:** F.F. Kokoshkin; A.I. Shingarev; constitutional democrats; Mariinsky hospital; anarchist sailors; terror.

◆ Информация об авторе

Лисенкова Любовь Николаевна — канд. историч. наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин и биоэтики. ГБОУ ВПО СПбГПМУ Минздрава России. 194100, Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2. E-mail: lunili@yandex.ru.

Lisenkova Lyubov Nikolayevna — PhD, Associate Professor, Department of Medical Humanities and Bioethics. Saint-Petersburg State Pediatric Medical University. 2, Litovskaya St., St. Petersburg, 194100, Russia. E-mail: lunili@yandex.ru.